

Византийская империя. Всемирная история

Византийская империя просуществовала 1123 года и 18 дней — намного дольше любой другой державы Запада или Востока. Последовательница великого Рима, она стала первым правовым христианским государством в мире, сплотив самые разные народы, назвавшие себя ромеями. Раскинувшись в Европе и в Азии, простирая власть на северную Африку, Ромейская держава играла ведущую роль в средневековом мире. И даже исчезнув, она продолжила влиять на мировую историю. Эта книга даст возможность взглянуть на Ромейское царство глазами его жителей, услышать «шепот времени», почувствовать атмосферу эпохи с ее печалью и радостями.

Василевс: первый после Бога Дела семейные: место женщины в доме и государстве Дворец и дворцовые интриги Религия, магия и медицина по-ромейски Византия после Византии

Сергей Сорочан

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

КСД

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

СЕРГЕЙ СОРОЧАН

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ
ИМПЕРИЯ

ХАРЬКОВ
2022 КСД

КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2022

ISBN 978-617-12-9452-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

УДК 93/94
С65

Дизайнер обложки Анастасия Попова

В оформлении обложки использован фрагмент мозаики «Император Лев VI преклоняет колени
перед Иисусом Христом»

ISBN 978-617-12-9323-6

© Сорочан С. Б., 2022
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2022

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2022

Предисловие

Византийской цивилизации принадлежит особое и, несомненно, выдающееся место во всемирной истории. Ее мощное политическое, историко-культурное влияние протянулось от Ближнего Востока до Западной Европы. Прямая продолжательница Римской империи, Византия, впитав в себя греко-эллинистические и римские традиции, а также лучшие достижения ближневосточных народов, создала утонченную, яркую, оригинальную материальную и духовную культуру. Сами византийцы именовали свою империю Ромейским царством. Изучением наследия этой жемчужины Средневековья занимается византистика, или византиноведение, — историческая дисциплина, которая по праву считается «орхидеей наук».

Эта книга не содержит детального системно-хронологического описания политической, социально-экономической, культурной истории Византийской империи. Главная ее цель в ином — помочь восстановить цепь времен, понять наиболее важные особенности, специфику эволюции этой средневековой авторитарной и вместе с тем демократичной сверхдержавы, раскрыть ее сильные и слабые стороны, причины блестящих успехов и роковых неудач, в итоге приведших Империю к трагической гибели, последствия которой продолжают отзываться в столетиях.

Во все времена и в любой стране люди трудились и отдыхали, страдали и радовались, любили и ненавидели, растили детей, постигали науку житейской мудрости, учились, верили в лучшее, мечтали хотя бы о кратковременном счастье, радости для себя и своих потомков. В этой книге мы попытаемся проникнуть в мир повседневного бытия, сознания и мышления византийцев, взглянуть на Ромейское царство их глазами, уловить «шорох времени» — голоса, атмосферу эпохи с ее живыми мелочами, внятными деталями, настроениями и мнениями, печалью и радостями, понять, насколько возможно, основные проблемы, идеи, взгляды, представления, господствовавшие в обществе столь оригинальной цивилизации, создавшей новую христианскую культуру, новую ментальность и новый образ жизни.

Глава 1. Великое наследие супердержавы Средневековья

Римская государственность, греческая культура и христианская вера суть главные источники византийского развития. Без любого из этих трех элементов сущность Византии немыслима.

Георгий Острогорский

Блеск и величие, золото и благочестие... Продолжательница великой Римской империи, она стала первым правовым христианским государством на земле, сплотив в единой вере самые разные народы, назвавшие себя ромеями. Эта мощная страна в ее новом христианском облике просуществовала, вызывая зависть и восхищение, куда дольше любой другой империи, какую знала средневековая история и Запада, и Востока. Ее можно не понимать, даже ненавидеть, но нельзя не почитать. Исчезнув, она продолжала и продолжает покорять своим глубоким духовным миром. На века огненными буквами запечатлено в памяти человечества ее гордое название — Ромейское царство, Романия, Византия, Второй Рим.

Супердержава Средневековья

В 476 г. на Западе пала древняя Римская империя, продержавшаяся около 500 лет. Знаки римского достоинства западного императора, подростка Ромула, были отосланы из италийского Рима германским вождем-захватчиком Одоакром восточному римскому императору Зинону, которому он в итоге подчинился, получив престижный сан патрикия.

Ромулу было назначено содержание и позволено удалиться на виллу, на юг Италии. Собственно, у него не было прав на императорский престол западной части Римской империи: в результате очередного дворцового переворота его выдвинул амбициозный отец-италиец Орест, который прежде был секретарем-писцом у худшего из варваров, грозного вождя гуннов Аттилы, а затем как регент попытался править от имени возведенного на трон сына. Теперь Орест был казнен захватившим власть Одоакром, а что случилось дальше с малолетним экс-императором, неизвестно. Но маловероятно, чтобы он дожил до зрелых лет. Скорее всего, его тоже убили. В любом случае на современников это роковое событие не произвело глубокого впечатления, они даже не осознали его как падение. Для них власть лишь перешла в руки единственного славного императора Зинона. Идея Империи не умирала на Западе, продолжая жить на греко-римском Востоке.

Именно эта восточная часть некогда единого великого Римского государства, будущая Византия, не только уцелела под натиском нашествий иноземцев и сохранилась как единое целое с центром в Константинополе, основанном и отстроенном в 324—330 гг., но и жила еще почти тысячу лет, продемонстрировав уникальную жизнеспособность, устойчивость, прочность основ, подобную которой трудно отыскать. Даже держава, покорившая ее в XV в., — империя турок-османов — просуществовала вдвое меньше, а Российская и Австро-Венгерская империи — соответственно 250 и 100 лет.

На протяжении всей двенадцативековой причудливой исторической жизни Ромейское царство знало периоды взлета и падения, расцвета и упадка, радость неслыханных побед и горечь страшных, роковых поражений. Величественно и грозно плыл сквозь столетия корабль этой супердержавы, направляемый опытными кормчими —

правителями, поражающий воображение современников экзотикой форм и ослепительным блеском сказочного богатства. Именно это богатство свидетельствует о процветании, которое долгое время просто не могло не быть всеобщим.

Себя византийцы именовали по-латыни «романи», по-гречески «ромаиос», то есть ромеями, в переводе с греческого — «римлянами», и чувствовали себя оскорбленными, когда их называли греками. Начало своей политической истории они, как и древние римляне, относили к легендарному троянцу Энею — герою знаменитой эпической поэмы римлянина Вергилия. Свою державу ромеи без малейших сомнений продолжали считать все той же Ромейской (Римской) империей. На греческом языке, на котором говорило большинство населения Византии, это звучало по-разному: «полития тон Ромаион», «то кратос Ромаион», «Ромаион игемониас», «Ромаион архи», то есть «Ромейская власть», или чаще — «василея тон Ромаион», «Ромаион василея» — «Ромейское царство». Западные соседи называли эту страну Романия, а восточные — Рум. Сами ромеи редко пользовались словом «Византия» или «Византий», по древнему названию своей столицы. Этот термин оставался для них архаичным древнегреческим термином, понятным лишь избранным интеллектуалам, книжникам, философам, богословам. Поэтому латинский термин *Byzantium* (Византия) в значении «Византийская империя» является в значительной степени искусственным. Его впервые ввел в науку немецкий гуманист и ученый Иероним Вольф (1516—1580 гг.) из города Аугсбурга, который в 1577 г. издал небольшое собрание сочинений ромеев, переведя его на латынь и назвав «Корпус византийской истории». Название прижилось среди историков, стало повторяться в изданиях других Корпусов византийских источников, особенно с XVIII в., а затем привилось и в обиходе.

Будучи продолжателем древней Римской империи, Ромейское царство стало первым из великих государств, официально принявших христианство в качестве государственной религии. Оно же было первым, кто начал жить и управлять в соответствии с христианским учением, распространяя его по всему миру, особенно среди славян. Его принципиальной задачей была защита ортодоксальной христианской идеологии, которая признавалась единственно правильной —

православной верой, православием. Поэтому отдельные правители Ромейского царства оценивались не по их политическому влиянию или военным успехам, а по критериям ортодоксии: одни императоры были плохи, потому что впадали в ересь, то есть выбирали «утраченное христианство» — отход от соборных канонов, постановлений, норм, правил, догматов Церкви; другие, даже не очень талантливые, хороши только потому, что отстаивали чистоту ортодоксальной веры.

В Византии христианство влияло на повседневную жизнь, пожалуй, больше, чем в какой-либо другой христианской стране. Единство ее удивительной общности обеспечивалось прежде всего «церковным общением», и церковное отлучение от него считалось одной из самых тяжелых кар. Поэтому для того, чтобы быть римлянами (ромеями), надо было жить на римской (пусть даже бывшей) территории и, самое главное, невзирая на этническое происхождение, быть не просто подданными римского (ромейского) императора, но обязательно свободными христианами, свято чтущими Божии заповеди и мощь своего единого централизованного государства. Заметим: рабы и исповедующие иудаизм к ромеям не относились.

Этническая консолидация населения Ромейского царства, то есть формирование национальной общности, известной как «византийские греки», развернулась не скоро, так что термин «ромей» долгое время не имел определенного этнического содержания. Византийское общество было очень иерархизировано, но даже его правящий класс состоял как из выходцев, имевших греческое происхождение, так и из представителей других этносов. Греческий язык действительно был доминирующим, но для многих, особенно в сельской местности, он не являлся основным, а кое-кто его вообще не знал. Таким образом, важно сразу понять, что ромей понимались в политико-конфессиональном смысле, а не этническом. Культурная идентичность, осознание своего превосходства и исключительности играли важнейшую роль в жизни страны и лежали в основе успешной борьбы Византии за существование в течение очень длительного времени. Лишь с XI в. византийцев все чаще стали связывать с понятием «средневековые греки», которое постепенно вытеснило прежнее, «наднациональное», что стало предвестием конца этого государства, народ которого цепко держался за веру в Бога, царя и собственные традиции. С этим же временем совпадает появление у него

непримиримых соперников не только на Востоке, как прежде, но и на христианском или, как тогда чаще говорили, латинском Западе.

Раскинувшись на двух огромных континентах, в Европе и в Азии, а поначалу простирая власть и на Северную Африку, Римейская держава играла ведущую роль в средневековом мире и оказывала колоссальное влияние на ход международных событий. Ни одно другое государство Европы и Ближнего Востока не имело такого количества непосредственных контактов, мирных или же враждебных, с таким множеством стран и народов, как Римейское царство, неизменно вызывая у них смешанные чувства восхищения, вожделения и зависти. Врагов и союзников оно повергало в трепет золотом и благочестием веры, железной поступью своих намного более организованных армий, двигавшихся слаженно и бездушно, как механизмы; секретным страшным оружием в виде метаемого издалека, облепляющего и испепеляющего «жидкого огня»; несокрушимыми каменными твердынями крепостей, построенных с учетом всех достижений фортификации; звериной настойчивостью опытных полководцев, для которых в искусстве войны, казалось, не осталось никаких тайн.

Романия всегда оставалась воюющей империей. Так она жила из года в год, из столетия в столетие. Впрочем, в отличие от римлян-милитаристов, ромей, будучи обществом, готовым к войне, в редких случаях нападали первыми: они были не столь воинственны и предпочитали разрабатывать разные стратегические и дипломатические способы защиты вместо агрессивных действий. Нелепыми представляются обвинения западноевропейцами Византии в неких поползновениях в сторону соседей. Насколько известно из истории, византийская армия не жгла и не грабила Париж или Лондон. А вот обратный факт имел место по отношению к Константинополю. Сами же византийцы воспринимали войну как неизбежное зло и при малейшей возможности стремились решать спорные вопросы посредством тонкой дипломатической игры. Даже в тех случаях, когда византийцы предпринимали явно завоевательные походы, они ни разу за всю свою тысячелетнюю историю не вышли за пределы прежней Римской империи. Так что, с точки зрения ромеев, они всегда вели справедливые, освободительные войны. Им было что защищать, и они

знали, за что воюют. Для них была важна не столько военная победа силой оружия, сколько победа духовная, победа благочестия.

Ромейскому царству, как и Древней Руси, выпало на долю вести очень важную для судеб Европы борьбу с опасными врагами из Азии. Ему довелось сдержать готов, разгромить персов, остановить экспансию стремительно объединившихся арабов на самом пике ее развития, стереть в прах целые армии завоевателей, принять на себя главный удар бесчисленных кочевых народов — гуннов, аваров, тюрков, протобулгар, печенегов, половцев-куманов, сельджуков, турок-османов — и тем самым обеспечить существование многих европейских государств, дать им развиваться, стать на ноги. Именно поэтому его собственная история оказалась впечатляющей последовательностью политических и военных потрясений. Романия платила за все по полному счету, платила за себя и за других, давая им возможность выжить, развиваться, прикрывая собой неблагодарный Запад от грозных взоров Востока. Не будь этого бастиона христианства, этой великой плотины, что ждало бы Европу, на каком языке говорили бы мы сегодня и какому богу поклонялись бы?

Как верно заметил византинист Дэвид Тальбот Райс, «нет на свете страны, история которой являла бы нам столь же поразительное смешение доблести и предательства, таланта и бездарности, умения и беспомощности, набожности и соглашательства. ...Нет в мире другого государства, чья история являла бы собой такое единство противоположностей, нет другой культуры, которая представляла бы собой такой сплав материального и духовного». Эта была неповторимая древняя христианская Империя — и этим все сказано. Она удивительным образом отразила преемственность и изменчивость в своем развитии, то, что историки называют мудреными словами «континуитет» и «дисконтинуитет». Первое проявлялось в верности традициям, сохранении централизованной бюрократии, управленческого аппарата, упорядоченной налоговой системы, кодифицированных норм римского права, функций города, внешних черт быта, второе — в переменах типов собственности, социальной структуры, системы ценностей мировоззрения, то есть в глубинных, медленно складывавшихся преобразованиях.

Прямая наследница греко-римского мира и эллинистического Востока, Византийская империя стала центром блестящей и весьма

своеобразной культуры. Впитав в себя культурные традиции Запада и Востока, ромеи создали яркую и оригинальную цивилизацию с мощным и продуктивным зарядом, которую можно по-разному оценивать, но которой нельзя не восхищаться. Этот заряд позволил стране просуществовать как глобальному политическому фактору более тысячи лет.

Длительное время Ромейское царство оставалось недостижимым образцом для подражания для стран и народов Европы, предметом восхищения всех ее владык, королей, герцогов и графов, какого бы уровня власти они ни достигали. Полная внутреннего благородства, благочестия, изящества и пышности, торжественности и глубины, напряженности мысли, византийская цивилизация притягивала многих своей мудростью. Она всегда была неисчерпаемым кладом полезных знаний и богатого опыта. Ее культурное влияние распространялось на различные племена и народы и проявлялось в самых разнообразных сферах: религии и философии, праве и дипломатии, письменности и образовании; проникало в литературу, зодчество, живопись, музыку. Даже непримиримые враги — арабы и турки — усвоили это наследие. Особенно сильно ромейская цивилизация воздействовала на институты и культуру стран, в которых исповедание христианства утвердилось по православному, то есть византийскому, образцу: Грузию, Армению, Болгарию, Сербию, Русь, другие славянские страны. Вместе они образовывали сообщество, объединенное по принципу идеологической, а не политической группировки. Столица Ромейского царства — бронзово-голубой Константинополь — была их духовным центром. Через Византию они дышали воздухом мировой культуры. В отличие от Римской Церкви, которая признавала только три святыя языка — еврейский, греческий и латынь, а на практике — только латынь, Византийская Церковь позволяла каждому принявшему христианство народу вершить церковную службу и обряды на их родном языке, а для славян даже помогла создать свою письменность. Если бы не было ромеев и их государства, наша жизнь развивалась бы иным путем.

Глава 2. Василевс, держава, православие

Византийскую империю, охватывавшую в разные времена пространства Малой Азии, Крыма, Восточного Причерноморья, Месопотамии (междуречья рек Тигра и Евфрата), Сирии, Палестины, Северной Африки, Италии, Сицилии, Балканского полуострова, населяли многие народности и племена. Деятельные и беспокойные александрийцы, насмешливые и острые на язык, жадные до развлечений антиохийцы, предприимчивые, энергичные армяне, пользовавшиеся относительной религиозной свободой евреи — отличные коммерсанты и ремесленники, горластые и спесивые горцы-исавры, грубые, ограниченные и вместе с тем набожные каппадокийцы, хвастуны пафлагонцы, принявшие христианство, но оставшиеся грабителями мардаиты из Малой Азии, балканские пастухи-разбойники влахи, или валахи, обитавшие в Пелопоннесе лаконы, смуглые, разбитные цыгане, родившиеся от смешанных браков с италийцами гасмулы — все они по-разному отдавались жизни и неодинаково ее воспринимали, иногда имели только им присущие языки, обычаи, нравы, верования.

Ромейская держава то расширялась необыкновенно, до полутора миллионов квадратных километров, занимая полмира, то сжималась вплоть до пределов Нового Рима — Константинополя, столицы Империи, но всегда отличалась пристрастием к порядку, праву, наличием особых идеологических принципов и модели духовно-политической организации этого *людского муравейника*.

В Европе эпохи Средних веков Византия была самой неограниченной самодержавной монархией и в тоже время самой высокодисциплинированной, демократической. Важно, что долгое время она считалась выборной, а не наследственной, то есть являла собой своеобразный вариант республики. От римской государственности была унаследована концепция государства и общества, где каждый — в соответствии со своим положением — имеет права и обязанности. Разноплеменное и многоликое население долгое время объединяли выполнение предписаний власти, единый

правитель — византийский император, царь, и особенно единая вера — христианская. И Церковь, и государство возводили свое начало к верховной власти Единого Бога. Вся политика Византии, более того, нравственный строй, жизненная концепция ромеев как религиозно-культурной идентичности долгое время зиждились на трех китах: установленном Богом порядке (евтаксии), концепции благого единогласия властей (симфонии) и традициях. Верность находившимся в единении монарху-василевсу, закону, державе и православию — вот что в идеале выделяло подданного ромейского императора, определяло его этос — образ мыслей, благонадежность, сплачивало в целом народ страны и долго служило залогом успеха. Потеряв в борьбе с турками-османами монархию и ее столицу, взятую 29 мая 1453 г., ромеи потеряли и Византию.

Люди Романии, или Как стать ромеем

Народы, населяющие Экумену («обитаемый мир»), византийцы разделяли на собственно ромеев — римлян, как они себя именовали, и эфников — инородцев, иноземцев, варваров, «внешних», то есть всех остальных. Тем не менее еще раз подчеркнем: само Ромейское царство на протяжении своей более чем тысячелетней истории так или иначе оставалось не национальным, а многоэтничным и многоязычным государством, не знало национального вопроса, и поэтому понятие «чужестранец» в нем было довольно относительным. Ромеи и не пытались строить национальное государство. Сила их державы крылась в обратном — в толерантном отношении к разным народам единой страны.

В эпоху поздней античности латынь и греческий язык являлись ведущими культурными языками Римского государства, причем носители латыни доминировали на Западе, а греческого — на Востоке. Это были два «мировых языка». К концу VI в. греко-латинское двуязычие стало более редким на Востоке, чем прежде. Неа Роми — Новый Рим — Константинополь превратился в космополитичный город с многими общинами, говорившими на разных языках. Впрочем, латынь еще продолжали использовать в командном языке армии и при дворе как официальный язык. Но характерно, что если родным языком византийских императоров Анастасия Дикора (491—518 гг.) и Юстиниана Великого (527—565 гг.) была латынь, то уже через полсотни лет, к концу VI в., император ромеев Маврикий (582—602 гг.) вообще не знал этого языка.

В некоторых окраинных пределах Ромейского царства сложились свои литературные языки. Так, с V в. такой язык был в принявшей христианство Армении, на него переводили многие христианские тексты, написанные на греческом и древнесирийском. Сирийский и армянский диалекты доминировали в Западной Месопотамии, Сирии и Палестине, причем в Сирии уже в течение IV в. тоже сложился литературный язык. Но в городах явно преобладал греческий, если не считать все египетские центры, где доминировал язык коптов (от арабского «кипт» или «купт» — египтянин), то есть поздняя форма египетского языка. Он утвердился здесь вместе с рождением в Египте мощной Церкви монофиситов, противостоявшей грекоговорящей

ортодоксальной Церкви. Свой язык оставался и в рано принявшей христианство Грузии.

Такая языковая пестрота, вероятно, задержалась бы надолго, если бы не волна арабских завоеваний, обрушившихся на Византию с 40-х годов VII в. и на протяжении жизни одного поколения отторгнувших у нее бо́льшую часть восточных провинций (эпархий), преимущественно с районами сирийского и коптского языка. Именно это обстоятельство способствовало превращению византийского государства в более универсальную монархию, где греческий язык с правления василевса Ираклия (610—641 гг.), к слову, выходца из африканского грекоговорящего Карфагена, окончательно приобрел статус государственного языка, на него было переведено делопроизводство, хотя это не означало, что из обихода исчезли другие языки. Вряд ли Ромейскому царству удавалось бы столь быстро и успешно восстанавливать экономику, наращивать военный потенциал, противостоять могущественным врагам, если бы не проводимая мудрая политика открытых дверей, социальная, правовая, языковая и в определенной степени даже религиозная терпимость по отношению к каждой общине, что удивительно сочеталось с державной спесью, присущей всем ромеям.

Просторы этой христианской Империи действительно населяли люди не только разного языка, но и разной веры. Так, здесь проживали евреи, которые не считали Иисуса Христа Богом и праздновали день субботний, а не воскресный; арабы, которые молились Аллаху, обращаясь лицом к Мекке; армяне, среди которых было немало монофиситов; палестинские самаритяне, изначально враждебные христианам, впрочем, как и иудеям; сирийцы — сиры, исповедовавшие несторианство, или латины (католики), утверждавшие, что Святой Дух исходит не только от Бога Отца, но и от Бога Сына. Ортодоксальные ромеи опровергали богословские заблуждения этих людей и считали, что все франки — грубы, неразумны, надменны и жадны, все армяне — хитры и коварны, арабы, сарацины — злы и жестоки, печенеги (пачинакиты) злобны, грязны и вшивы и т. п. Тем не менее они давали армянам важные должности и саны, вплоть до царских, брали в свои войска иви́ров-грузин, пачинакитов или тех же латинов — англосаксов (инглинов), данов, немцев (немитцев, германов, алеманнов), успешно торговали с венецианскими купцами

и печенегам, лечились у еврейских врачей и покупали хлеб у арабских булочников.

* * *

Поначалу права ромейского гражданства жаловались индивидуально. Но со второй трети VI в. законодательством византийского императора Юстиниана I было введено коллективное гражданство целых народностей. Та или иная этническая группа, получавшая римское гражданство, включалась в административную структуру Империи, а ее вождю жаловались какой-либо имперский титул (сан) или должность (консула, патрикия и т. п.). Для того чтобы стать полноправным членом ромейского порядка — таксиса, надо было исповедовать православие, то есть веру, принятую официально признанной Церковью, покорно нести налоговое бремя, уметь разговаривать, общаться на греческом языке, соблюдать культурные и правовые основы таксиса, его традиции и общепринятые нормы. Таким образом, понятие «ромейский народ» полностью потеряло свою этническую специфику, став конфессионально-политическим понятием, впрочем, как и «эллинский народ». Примечательно, что термином «эллин», ставшим синонимом понятия «язычник», мог быть теперь назван и средневековый китаец, и араб-мусульманин, и не прошедший христианскую инициацию — Святое Таинство Крещения — викинг-варанг.

Всякий подданный византийского императора, если он был рожден свободным христианином, не был иудеем или отступником от веры — еретиком, имел право приобрести имение, владеть рабами, служить и дослужиться до любых высших санов и чинов, как светских, так и духовных. В этом отношении Империя ромеев являлась демократическим, открытым государством, всегда готовым принять и расселить на своей территории крещеных иноплеменников или даже представителей других религиозных верований. Смешанное происхождение считалось не недостатком, а, наоборот, достоинством. Даже в царском окружении встречались инородцы, люди разного цвета кожи, не говоря уже о самом разном социальном происхождении.

При всем том византийцам была чужда этническая или расовая антипатия: свое несомненное превосходство над «варварами», эфниками-инородцами они усматривали только в приобщенности к своим великим державе и культуре. Их государственный идеал

заклучался в уважении земного порядка, зафиксированного Богом в Его Книге — Библии. Как Богом избранный народ, византийцы проявляли большое уважение к закону, и всякое его нарушение понималось ими как аномалия. Именно равновесное соблюдение «законов божественных» — библейских, евангельских установок и светских правовых норм обеспечивало номофесию, то есть нормальное функционирование всей судебной системы Империи. Причем старые законы всегда рассматривались как более предпочтительные, чем новые, их очень редко отменяли, обязательно оговаривая вынужденность изменений под влиянием жизненных условий.

Но одного законопослушания было мало. Только принятие христианства и знание греческого, «эллинского языка» — «глоссан Еллина» и «эллинских обычаев» — «Еллинас естолисфай» открывали поистине широкие возможности для любых поселенцев, а именно: позволяли получить должность и титул или же сделать военную или церковную карьеру, иногда самую головокружительную. Поэтому многие иноземцы охотно индивидуально, семьями, а иногда целыми группами и племенами крестились, как это предусматривал и требовал закон. Таким образом, они, живя среди ромеев, постепенно воспринимали более высокую византийскую культуру, растворялись в ней, становились ее неотъемлемой частицей.

* * *

Римская идеология провозглашала право Великого Рима властвовать над другими народами. Традиции этого римского «империализма» не были забыты. Василевсы поселяли пришлые народы, в зависимости от необходимости, в тех районах страны, которые остро нуждались в людях. Таким образом, подобные переселенческие волны решали конкретную задачу: укрепить границы Империи, ослабить варваров, пополнить армию. Константинопольское правительство могло руководствоваться и иными соображениями, например ликвидировать очаг напряженности или же заселить опустошенные районы страны, уничтожить рассадники ереси — учения, противоречащего признанным в Православной Церкви догматам веры, возродить хлебопашество в регионе, пришедшем в запустение из-за частых набегов врага или пострадавшем от смертоносной эпидемии. Ведь в те времена обычным явлением были грабительские походы, мягко говоря,

недружелюбных соседей ромеев, масштабные экологические беды и периодически повторяющиеся пандемии одной из самых опасных болезней — карантинной инфекции чумы, особенно сильно опустошавшей целые области Ромейского царства с 540-х годов в течение двухсот лет и в середине XIV века.

К примеру, коренных жителей ранневизантийского Кипра направляли в район Пропонтиды — Мраморного моря, где была острая нужда в людях, опытных в морском деле и способных нести службу на флоте. Зато в конце VI в. армянские воины и их семьи оказались на том же Кипре, а через столетие, в правление деспотичного василевса Юстиниана II, их поселяли во Фракию и Македонию на Балканах для укрепления византийской границы от наседавших болгар. Дабы избавиться от постоянной напряженности на восточных рубежах Византии, воинственных мардаитов, часто провоцировавших арабо-ромейские столкновения, с Тавра (что на юге Малой Азии) отселяли в средиземноморские и эгейские морские военно-административные имперские области — фемы Кивириотов, Кефалинию, в греческий Эпир и во Фракию. В свою очередь славян тысячами переправляли с Балканского полуострова в северомалоазийскую Вифинию, причем оставляли во главе их архонта из «единоплеменников», имевшего особую имперскую печать — моливдул. Для пресечения распространения ереси монофиситов приверженцев «этого пагубного заблуждения» при Константине V Исавре (741—775 гг.) отселяли из Северной Сирии во Фракию, в район западночерноморской крепости Месемврии. Туда же отправляли армян из восточномалоазийских Мелитины, Феодосиополя и т. д. Грецию, дабы умалить в ней мощное влияние славянских переселенцев, наполняли переселенцами-греками, что особенно масштабно проделали в 805 г., причем с греками сюда явилась христианская религия, до этого славяне Пелопоннеса еще не были обращены в христианство.

Переселение, как правило, давало резкий демографический всплеск, который приводил к радикальному изменению социальной ситуации: вместо крупных землевладельцев наиболее влиятельным с VII—VIII вв. становился новый класс свободных крестьян. Улучшение жизненных условий приводило к повышению рождаемости и неуклонному увеличению площади возделываемых земель. Растущее

и богатеющее население училось себя защищать, организовывая исключительно мощные провинциальные военные отряды, в значительной степени находившиеся на самообеспечении.

Однако данная политика давала побочные непредвиденные плоды. К примеру, перемещение разгромленных к концу IX в. еретиков-павликиан из Малой Азии на Балканы привело через несколько десятков лет к возникновению и распространению в этом регионе новой, но не менее зловредной ереси богомилов, последователи которой открыто хулили богатых и знатных, учили людей не повиноваться властям, отвергали любые религиозные обряды и церковную иерархию.

Кроме того, некоторые народы (армяне, евреи, цыгане), несмотря ни на что, не растворялись полностью в этом гигантском этническом «котле». И все же основным средством укрепления внутреннего единства Ромейского царства являлась политика унификации, активно проводимая константинопольской администрацией. «Как можно меньше различий» — таким был ее главный принцип. Недаром с VI—VII вв. василевсы всеми силами стремились насадить единый, «официальный», державный греческий язык, ослабить любые группы населения, основанные на территориальных, племенных или религиозных связях. Взамен этих связей, как уже указывалось выше, им предлагалась возможность занять достойное место в официальном византийском обществе путем полноценного участия в государственной и общественной жизни страны.

Вспышки враждебности по отношению к инородцам, конечно, имели место, однако правительство не проводило этнических чисток и в редких случаях прибегало к принудительной христианизации. Христианская Православная Церковь никогда не поощряла насильственного обращения иноверцев и не поддерживала их массового крещения. Да и ненависть к отступникам от веры и еретикам была куда выше, нежели неприязнь к человеку, исповедующему другую религию.

Терпимое отношение к разноплеменному, разноязыкому населению страны, гибкая, сбалансированная и ненавязчивая политика административной унификации и «romeизации», отсутствие национального вопроса, по крайней мере, до поздневизантийского периода позволяли сохранять единство ромейского этоса

и целостность этой супердержавы средневекового мира на протяжении многих веков.

Первый после Бога

Порядок, установленный Богом на земле, — евтаксия, полагали римляне, является отражением божественного небесного порядка, и за него отвечают власти. Каждый должен иметь в нем свое место, причем император римлян — первое.

Если Бог — Пантократор (в переводе с греческого — «вседержитель»), глава всего существующего мира небесного и земного, то василевс — космократор, глава идеального земного порядка — таксиса, управитель и издатель законов, которые никто не в силах отменить. Это была полубожественная, но не божественная высота. Император римлян не уподоблялся Богу, но обладал синергией — способностью воспринимать Божественную энергию (действие), Божественную благодать, и поэтому управлял священной и богохранимой Империей подобно Отцу Небесному. Отсюда следовало, что делами Церкви тоже должна была руководить высшая государственная власть. Именно от нее, а не от Патриарха зависело назначение митрополитов — епископов митрополий, то есть главных городов областей — епархий или провинций (диоцезов), архиепископий, вызов их на патриарший суд, переподчинение монастырей. Поскольку Церковь — богочеловеческая, а не государственная организация — не имела собственного карательного аппарата, император должен был защищать любые интересы Церкви методами принуждения.

Церковный историк Захария Ритор, живший в середине VI в., подчеркивал, что «христоролюбивому царю надлежит не только покорять врагов и подчинять своей власти варварские народы, но также обезвреживать ловушки врагов духовных и направлять свет истинной веры на православный народ». В этом заключалась идея, условно называемая цезарепапизмом, — идея теократической монархии, в которой государство господствует над Церковью, хотя эта идея и не была целиком воплощена на практике в Римском царстве.

Подобные устремления имели объяснение в давних традициях. Не следует забывать, что христианские цари в Византии были преемниками языческих римских императоров с их абсолютной властью и не могли допустить чрезмерного усиления духовной власти как своей альтернативы. Константин Великий и его преемники вплоть

до Феодосия I в конце IV в. сохраняли титул Великого Понтифика (*Pontifex Maximus*), то есть регулировщика государственной религии, и одновременно титул «епископа внешних». Уже Константин Великий высокопарно заявлял: «...Нашим предназначением является исправление чужих грехов», и этому завету следовали все последующие императоры ромеев. Наконец, само христианство строками Священного Писания говорило о божественном происхождении государственной власти: «Нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13:1,2).

Исходя из вышесказанного становится понятно, почему после Первого Никейского Вселенского собора 325 г. император Константин I, оставаясь некрещеным, называл себя епископом и принимал участие во внутрицерковных делах. С провозглашением христианства государственной религией в 380 г. роль императора как покровителя Церкви усилилась. Христиане признали поклоны перед государем как покровителем христианства от имени Христа. Обращение к императору «кириос» — господь, которое было принято для Христа, стало нормой среди христиан, а со временем было перенесено и на державных служащих, к каковым принадлежали и византийские епископы. Императоры, как и Патриархи, должны были почитаться учителями в силу сообщаемого им помазания святым миром. Они имели право поучать народ и, подобно архиереям, кадить в церкви. Поскольку император входил в церковь вместе с архиепископом, сама процессия со свечой и кадилом перешла из императорского церемониала в Божественную литургию, главнейшее христианское богослужение. Более того, во время Литургии царь мог выполнять функции иподиакона или диакона. Свечи и кадила вносили перед оглашением императорских проповедей, как и перед Евангелием. На Константинопольском Соборе 448 г. впервые было канонически признано, что императорской власти присущ архиерейский характер, а его участники громогласно дружно возглашали: «Многая лета царю нашему архиерею!». Все это помогало византийским государям удерживать в своих руках те функции, которые принадлежали представителям Церкви. Правда, законодательство Юстиниана I (527—565 гг.) четко различает эти функции, но отдельные императоры действительно начинали вмешиваться в дела Церкви, ее управление

и, несмотря на запреты со стороны церковного права, даже выступать как толкователи богословских догм. Для «равного апостола» — исапостола, как именовал себя с VI в. любой ромейский государь, это было в порядке вещей. Тот же Юстиниан Великий, весьма склонный к богословию, объявлял в одной из своих новелл, что все законы Бог подчинил императору, а значит, и вопросы, связанные с догматикой и судопроизводством Церкви. Церковный Собор 536 г. признал, что «...против воли и приказа императора в Церкви вообще ничего не может происходить». Именно поэтому василевс Ираклий в VII в. разрабатывал догматы Церкви вместе с Константинопольским патриархом и подписывал богословские по сути эдикты о вероопределении и новеллы по церковным вопросам. Даже в тех случаях, когда они уклонялись от ортодоксального христианства, императоры ромеев, в отличие от Патриархов и Пап, не подвергались осуждению и анафеме Вселенских соборов, поскольку по господствовавшей идее императоры всегда должны были оставаться православными, хотя бы символически. Церковь не имела законного права возражать императору, ибо это означало возражать самому Христу, его воле. По этой же причине император и члены его семьи не подлежали церковной юрисдикции. Единственный известный случай произошел в 906 г., когда Патриарх наложил епитимию в виде запрещения на принятие Святого Причастия на василевса Льва VI за его неканонический четвертый брак. Более того, даже если василевс разделял ересь, она волей-неволей должна была стать законом для Церкви, и неподчинение каралось государством со всей строгостью. Нет нужды говорить о том, что византийские государи в таких случаях были свято убеждены в своей правоте и действовали из самых лучших побуждений, на деле ослабляя Церковь.

Это особенно отчетливо проявилось в период правления Исаврийской династии (717—802 гг.), когда принцип цезарепапизма получил дальнейшее развитие. В новом сборнике — Эклоге законов, составленном василевсом Львом Исавром и его сыном-соправителем Константином в 741 г., прямо говорилось об императоре: «я — царь и священник», «царь есть и епископ Церкви, его воля — закон для Церкви». Едва ли это можно рассматривать как курьез. В VIII в. василевсы-иконоборцы, по сути дела, окончательно присвоили функции клира. Кульминацией стало знаменательное

рукоположение — хиротония, то есть поставление василевсом Константином V Патриарха Константинополя в 754 году.

Вследствие такого особого положения василевс не мог не оставаться регулятором и охранителем Церкви, а в XII в. даже стал носить соответствующий этому титул «епистимонарх». Авторитетнейший законник этого времени Феодор Вальсамон пытался доказывать, что царю принадлежит власть над Церковью и, более того, именно ему, а не Собору надо судить Патриарха. Император ромеев сохранял церковный статус и в поздневизантийскую эпоху: был дефенсором — «защитником» и депотатом — «представителем» Церкви.

В собственноручно написанном Символе Веры, который василевс вручал Патриарху перед коронацией, он клялся, что будет слугой и защитником Святой Церкви, то есть ее покровителем.

Квинтэссенцией этих взглядов выглядят слова болгарского православного архиепископа Димитрия Хоматиана начала XIII в. о наказаниях, которые имел право налагать царь. «Царство, — писал он, — установлено Богом для общего блага народа. Раз кого карает царь, он карает для общей пользы, и если убивает, убивает для общей пользы, чтобы пресечь зло. Царь равноценен с Богом. За исключением священнодействий, император совмещает все преимущества епископа».

И все же надо признать, что такое событие, как рукоположение иерея светским лицом, пусть и царем, осталось исключением, не вошедшим в постоянную практику, а теократия не приобрела в Ромейском царстве законченный вид. В каноническом церковном праве высшим юридическим авторитетом обладал все же не император, а Вселенский собор, а в перерывах между Соборами — Патриарх и Патриарший малый собор — Священный синод. Византийский император не имел права издавать, отменять или толковать церковные постановления — каноны, не мог без санкции митрополита выступать в роли судьи по церковным вопросам, принимать от клириков, церковнослужителей прошения. Наконец, сами церковные каноны имели больше силы, чем законы государственные, хотя для большей авторитетности их подписывал и государь.

Поэтому, несмотря на многочисленные оговорки в пользу императора ромеев, власть которого признавалась канонистами

простирающейся и на тело, и на душу подданных, все же соблюдалось относительное равенство царства и Константинопольского патриархата, то есть византийская монархия имела сакральный характер. Но не более того. Борьбы Пап и императоров или королей за господство здесь не наблюдалось. Впрочем, на практике эта система давала сбой, стоило оказаться на троне государю с неправославными взглядами, отклоняющимися от традиционной ортодоксии Церкви, нарушающему каноны. Самое главное, надо четко уяснить, что Византийская Церковь могла существовать без императорской власти, а вот царская власть без нее — никогда.

* * *

При неограниченной, казалось бы, власти монарха в Римейском царстве существовала очень изощренная и продуманная система сдержек и противовесов, не позволявшая Империи превратиться в безоговорочно авторитарное и тем более тоталитарное государство. Власть императора имела двойственную природу. Как уже указано, с одной стороны, он представлялся исапостолом — равным Апостолам, более того — помазанником Божиим, даже Ангелом Господним, власть которого освящалась самим Христом, но с другой — он являлся верховным ключевым чиновником, власть которого, пусть достаточно формально, но делегировалась тремя вполне земными составляющими: народом, сенатом (по-гречески синклитом) и армией. Как представитель Божественной власти, император был «неписанным законом» и даже выше закона, но как человек он должен был добровольно подчинять свою волю воле закона и отказываться от своей неподвластности ему. Уже императорский эдикт 429 г. гласил: «...Выше империя (высшей власти) является подчинение императора законам». Ему вторил фундаментальный законодательный сборник конца IX в. «Василики»: «...По отношению к василевсу пусть сохраняют свою силу общие законы», «всякий идущий вразрез с законами рескрипт (царя) должен быть отклонен». Недаром богобоязненный автократ Тиверий Константин (580—582 гг.) заявил подбивавшему на нарушения Константинопольскому патриарху Евтихию: «Я скорее откажусь от власти, чем стану попирать ногами закон». «Если василевс — враг закона, — поучал в начале X в. строгий, непреклонный Патриарх Николай Мистик, — то кто же будет бояться закона? Если первым его нарушает правитель, то ничто

не помешает тому, чтобы его затем стали нарушать подданные». Именно такое христианское смирение, особенно ценимое ромеями, и делало конкретного человека, вне зависимости от его социального происхождения, достойным обожествляемого царского трона. Несмотря на пышность и роскошь, которой окружали личность автократора-самодержца, он мыслился как живое воплощение смирения, способное на сознательное самоограничение своей царской власти.

Даже благочестие царя понималось не только как верность «божественным законам», предписаниям христианского вероучения, православной веры, но и как разумность его власти, способность требовать от подданных только того, что было для них физически и морально возможным исполнить. По этому поводу все тот же Патриарх Николай Мистик утверждал: «Если василевс, по внушению диавола, издает приказ, противоречащий божественному закону, ему не следует подчиняться; надо считать, что безбожный приказ, исходящий от безбожного человека, не имеет никакой силы». В таком же ключе знатный византийский военачальник, магистр Катакалон Кекавмен философствовал в своих «Советах и рассказах», составленных для племянника около 1075—1076 гг.: пока василевс в своих действиях и законах поступает хорошо, ему повинуются, но если он, в нарушение благочестия, станет требовать пить яд или пересекать вплавь море, это будет невыполнимо, а значит, его можно обвинить в тирании и вполне законно свергнуть.

Но что бы ни было главным в императоре ромеев — благочестие, просвещенность или аристократизм, он считался смертным человеком, неутомимым тружеником, которому следовало сознавать свои греховность, ничтожество и ответственность перед Богом и простыми людьми, доверившимися его защите. В начале VII в. историк Феофилакт Симокатта наставительно писал: «Мрачен цвет пурпура, и государь должен быть сдержанным в благополучии, не терять разума в счастье, не предаваться гордости из-за злосчастного царского одеяния, помня как мудрец, что царская порфира — это всего лишь дешевая тряпка, а драгоценные камни венца ничем не лучше камешков на берегу моря». Даже некоторые инсигнии царской власти поддерживали эту идею ничтожности конкретного носителя этой власти. Об этом же новоиспеченному царю, только что венчанному на

царство в столичном храме св. Софии, напоминали сразу же: ему подносили горшок с костями и подводили мастера с образцами мрамора, предлагая совершить ритуал выбора материала для своего будущего саркофага. Земной бог, император должен был помнить, что он прах и должен обратиться в прах после смерти, а значит, постоянно смирять свою гордыню. По этой же причине перед ним не должно было падать ниц по воскресеньям, ибо этот день — бывший языческий День Солнца, согласно закону от 7 марта 321 г., предназначался теперь исключительно Царю Небесному.

Как символ бренности земной жизни долгое время принадлежностью византийского императорского наряда служила важнейшая сimea-инсигния — акакия, узкий цилиндрический мешочек, а с VIII в. — золотой ларец с землей, прахом. В отличие от другого символа власти — державы, которую василевсу полагалось держать в правой руке, акакию он держал в левой и совершал церемониальные дворцовые обряды, проскинисисы перед Господом, простираясь на полу, каялся и даже плакал над ней в Айя-Софии в начале Агия Тессаракости, Святой Четырешагитницы — Великого поста. При этом, если верить арабским авторам, придворные согласно церемониалу несколько раз мерно восклицали вслед за особым чиновником: «Помни о смерти!»

В случае стихийных бедствий, постигавших Империю ромеев, благочестивый император, переодевшись в траурные одежды, тоже не стеснялся прилюдных слез. Он мог упасть к ногам священников, прося их помолиться о даровании ему наследника, как это было с василевсом Мануилом Комнином (1143—1180 гг.). Во время триумфального шествия император у столичных Золотых ворот из скромности иногда спешивался с серебряной колесницы, на которую помещали икону — образ Богородицы, и далее следовал по широкой главной улице — Меси — вслед за образом в храм св. Софии, наглядно демонстрируя, кто был истинным предводителем его победы. Даже на портретах василевсов изображали реалистично-условно, подчеркивая прежде всего идею императорской власти, а сам государь говорил о себе отстраненно от этой власти — «василея мои» — «моя Царственность» или даже «василея имон» — «наша Царственность».

Вместе с тем эти обстоятельства не мешали величать императора ромеев «благочестивым, победителем, трофееносным, величайшим,

вечным августом». «Гелиос-Солнце» стало постоянным эпитетом императора, чье человеколюбие и щедрость уподоблялись солнечным лучам, живительному теплу, которое изливается на всех подданных без исключения. Недаром как символ этого в присутствии царя на любой церемонии полагалось держать большую горящую свечу — лампас.

Уподобление живого образа всемогущего императора ромеев Иисусу Христу отчетливее всего проявляется в дворцовой церемонии омовения ног, проводившейся в Страстной Четверг, перед Святой Пасхой Господней. Предварительно отбирались двенадцать константинопольских нищих, которых, отмыв, облачали в чистую нижнюю рубашку и короткие штаны. Каждому из них, подражая Христу, который, согласно Евангелию, омывал ноги своим ученикам, василевс мыл правую ногу, вытирал ее, а затем целовал. Но, в отличие от Апостолов, все специально отобранные участники этого действия получали по три золотые монеты. Так в подражание Сыну Бога наглядно, театрализованно воплощалось смирение, самоуничижение государя и демонстративное попечение его по отношению к подданным.

Таким образом, возвеличивание императоров, указание на божественную природу их власти и, как следствие, мнение о необходимости безусловного подчинения их воле были одним из коренных элементов официальной доктрины царской власти в Византии.

Василевс являлся воплощением величия и могущества, символом святости, богатства и мощности Ромейского государства. Даже гербом царства служила монограмма из четырех букв В («василевс») в виде квадрата, где две буквы смотрели налево, а две направо, что расшифровывается как «Царь царей, царствующий над царями». Исключительные символические права такого царя властвовать над Экуменой, по крайней мере, христианской, для ромеев не подлежали сомнению даже тогда, когда от его владений к концу XIV в. остались рожки да ножки, а сам он стал вассалом турецкого султана. Такая официальная политическая идеология и теория универсальной власти Ромейского царства сформировались в основном из имперских элементов эллинистического и римского наследия и были прочно санкционированы христианской религией, которая видела во власти монарха исполнение высшей воли — воли самого Бога.

* * *

Но, кроме неограниченных прав и занятия «созерцательным обдумыванием», у византийских богоданных венценосцев были и важные обязанности. Главными среди них являлись издание законов и строгое соблюдение законности. Особой заботой императора ромеев становилась забота о евфинии — благосостоянии общества. И в теории, и на практике он должен был поддерживать в обществе то, что ромеи называли омонией — согласием, единомыслием в государстве для всех его членов в соответствии с положением, которое каждый из них занимал. Если василевс не пекся об «общем благе», как сказал византийский историк XI в. Михаил Атталиат, то есть предавал интересы ромеев, его могли и должны были признать негодным Богу, а значит, поднять мятеж против него, лишить власти.

Парадоксально при этом еще и то, что такая «республиканская» византийская монархия строила свою экономику... на социалистических основаниях. Правительство во все вмешивалось, все контролировало, все регламентировало. Все — частное предпринимательство, производство, труд, потребление, весы, количество и качество товара, внешняя торговля, узаконенный размер барышей, общественное благосостояние, даже перемещение населения — в той или иной степени находилось под бдительным надзором государства, регулировалось им и императором, следствием чего было наличие сонма чиновников, действовавших от имени царя и в свою очередь контролировавшихся им. Как это оценить?

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ